ЕВГЕНИЙ ЛИСТНИЦКИЙ КАК ЭРОТИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ *ТИХОГО ДОНА*

Светлана Юралевич

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Шолохова не раз упрекали в том, что он не совсем точно изобразил мир офицеров – мол, он не был ему так знаком, как мир казачества. Евгений Листницкий – один из основных представителей этого круга. Но Листницкий благодаря его связи с Аксиньей, стал так же одним из основных действующих лиц романа. Таким образом, интимные переживания Листницкого представляют для нас двойной интерес: с одной стороны, интересно, какое значение, по мнению Шолохова, придается любви в среде образованных, культурных людей, с другой стороны, важно понять, почему, каким образом пересеклись линии Аксиньи и Листницкого, почему это произошло, какая роль в этих взаимоотношениях отведена Листницкому – вспомогательная, чтобы дополнить образ Аксиньи, или ему отведена, хотя и вторая роль, но тем не менее самодостаточная и важная? Что вынес из этой любовной связи каждый из ее участников? Что получил или, наоборот, потерял представитель иного, «окультуренного» слоя общества, Листницкий, столкнувшись с самобытной красотой Аксиньи? Как это повлияло, и повлияло ли вообще на его дальнейшую судьбу? Мог ли быть другой финал у этой «истории»?

На эти и другие возникающие по ходу исследования вопросы мы постараемся ответить в данных заметках, посвященных Листницкому.

Некоторых важных своих героев автор *Тихого Дона*, вводя их впервые на страницы романа, старается выделить чем-то, наделить их образы какими-то запоминающимися деталями, их судьбы необычными поворотами. Но немало и таких персонажей в романе, первое знакомство с которыми не производит на нас никакого особого впечатления. Листницкий из их числа. Даже точного его портрета не создал Шолохов. Значит ли это, что образ Листницкого слишком обобщён и его можно примерить на любого другого представителя данного круга или это означает, что не слишком важен для автора Евгений Листницкий?

Шолохов вводит Листницкого на страницы романа рано. Еще даже отношения Григория и Аксиньи не определились, не завязались «в тугой узелок», еще мало

что предвещает, что меж ними возгорится, а автор уже знакомит нас с Листницким.

Скачки. Митька Коршунов соревнуется с Листницким в быстроте коней. Первое описание Евгения дано устами Коршунова, даже не описание – так, штрих, вскользь данное замечание: «Такой из себя тушистый, сурьезный. Очки носит. Ну, да нехай! Даром что в очках, а жеребца не дамся обогнать!» (1, 58)*. А вот реакция Листницкого на поражение в скачках. Он даже «против ожидания, показался Григорию нимало не сконфуженным» (1, 59). Листницкий совершенно не расстроен, что проиграл, спокойно объясняет причину своего поражения усталостью кобылы. Согласитесь, реакция достаточно вялая. Листницкий в этой ситуации рисуется нам каким-то серым, безликим, безучастным. Помимо этого, Шолохов не придает внешности Листницкого никакой яркой, запоминающейся детали – так, например, нет у него кошачьих глаз, как у Митьки Коршунова, нет звериного оскала улыбки Григория. Листницкий помимо этого внешнего безличия показывается безличным внутренне.

Описывая историю Листницкого, автор явно скупится на подробности, но это относится лишь к самому Евгению, напротив, отец его, старый генерал, нарисован куда более ярко и подробно. И то, как он овдовел, и то, как общался со своей прислугой, с тем же дедом Сашкой – все это изображено красочно, эмоционально. Так, Шолохов наградил старого пана болезнью, которую не скупясь на натуралистические подробности, описал: «Его злая желудочная болезнь», из-за которой он не мог «глотать пережеванную пищу; жевал, вытягивал все соки, а жевки выплевывал на серебряную тарелочку, которую сбоку, на вытянутых руках, постоянно держал молодой, из мужиков, лакей Вениамин» (1, 168). Из-за этой, не слишком приятной детали, образ старого пана отчеканивается в нашей памяти. Образ Евгения Листницкого лишен этого. Вот то немногое, чем заштрихован Листницкий: «Был он невысок, полногруд. Носил чуб по-казачьи, зачесывая на правую сторону. Ловко обтягивал его офицерский сюртук», и еще у него были «редкие широкие зубы» (1, 171). А вот какими эпитетами Шолохов наделит грудь Листницкого – «большая», «мягкая», «женская» – деталь в общем-то достаточно незначительная, но все же вносящая в образ Евгения этакий налет отрицательного, не мужского.

Подведем некоторый итог: образ Евгения Листницкого – это образ представителя иного слоя общества, нежели привычные Шолохову казаки, это богатый, знатный офицер, это образ культурного, образованного человека, но в то же время образ человека, ничем собственно не примечательного, достаточно заурядного. Возникает вопрос: в какие формы может вылиться любовное переживание такого человека, какой смысл приобретает для него любовь, как она влияет на него, как влияют культурные накопления на эротическую сторону его жизни – мешают ли, помогают или вовсе это является неважным.

* Все приведенные цитаты даны по изданию М. А. Шолохов, *Тихий Дон*, М.: Художественная литература, 1979, с указанием тома и страницы.

Вопросы обозначены – будем искать ответы.

Знакомство Евгения с Аксиньей происходит практически сразу, как только Григорий с ней приходит в Ягодное. Причем, Шолохов не описывает нам первой их встречи, мы не знаем, как они отреагировали друг на друга. Вспомним, что автор их «разминул» при первой их «невстрече» – на скачках. Повстречай тогда Листницкий Аксинью, скорее всего обернулся бы вослед ей, пораженный ее красотой, а может даже и предпринял бы попытку познакомиться... Листницкий, безусловно, не остался равнодушным к женской ее красоте: «Аксинья – красивая баба, – говорил сотник, задумчиво глядя повыше Григорьевых глаз, блудя улыбкой» (1, 172). Но примечательно другое – описывая сцены прихода Листницкого в комнату Григория и Аксиньи и его наблюдение за работой этой женщины, автор рисует своего персонажа, впервые используя живые, конкретные краски: Шолохов упоминает, какие глаза были у сотника, мало того, он еще и описывает, как играет ими Евгений. Он «глядел на Аксинью бесстыдным улыбчивым взглядом», она постоянно встречалась «с прозрачным взглядом сотника, молчаливо говорившем о его желании» (*там же*), однако «ей было досадно и неприятно глядеть в оголенные светлые глаза Евгения Николаевича» (1, 173). Разговаривая с Аксиньей, Листницкий «играл низкими нотками такого же, как и у отца, голоса, похабничал светлыми, как родниковая вода, глазами» (*там же*). А когда возвращался Григорий, «сотник гасил в глазах недавние огни» (*там же*).

Вот так вдруг оживился человек, хотя опять же ничего особенного нового мы о нем не узнаем – дрожащие ноги «в плотно обтягивающих рейтузах» (1, 171), низкий голос и глаза, зажженные огоньками желания. Но и тут нет намека ни на какие душевные переживания.

Далее мы знакомимся с Листницким – офицером. В этом смысле показательно письмо Евгения к отцу, в котором он сам себя рисует, как натуру эмоциональную, экзальтированную, преданную, даже влюбленную в династию, особенно в монарха. Но сколько в этом письме наивности, но не естественной, а сплошь наигранной. И при этом наивность явно запоздалая: «Мне не стыдно признаться вам в этом, даже несмотря на то, что мне перевалило за 28» (1, 292). Так говорит о себе Листницкий, имея ввиду то, что он обожествляет императора, «как институтка». Складывается впечатление, будто Листницкий играет в какую-то игру, но идет война, льется человеческая кровь, люди гибнут по-настоящему, и вот среди такой обстановки прорывается истинное нутро Листницкого: «Хочу жить. (...) Мне все можно!» (1, 331). И, вернувшись домой, Листницкий торопится жить, торопится чувствовать, отгоняя прочь от себя мысли о том, что подчас он делает больно другим людям. Любил ли Листницкий Аксинью? Вернется Григорий, и снова в душе Листницкого ничто не ворохнется, кроме минутного сомнения, – знает или нет, Григорий о его связи с Аксиньей? «Неужели знает? Ну, глупости! Откуда! Не может быть! Не догадывается, бедняк.» (1, 343)

Ничто не оказывает влияния на Листницкого, ничто не может изменить его – он таков, каков есть, но в том-то и зацепка, что мы не знаем до сих пор, что он за личность. Шолохов соединяет его со своей главной и любимой героиней, забирая ее у основного и, опять же самого любимого, героя романа, но при этом не наделяет его образ ничем особенным, и что самое интересное и даже в какой-то степени странное, Шолохов не наблюдает за Листницким – ему как будто все равно, что делается у того внутри. Он оставит его, как Григорий в поле, с разбитым пенсне, с избитым лицом и телом, а что за душа, что за ум, что происходит внутри этого человека, что делается с ним – ни слова. Нам покажут Листницкого уже с зажившими ранами после отпуска, вернувшегося в часть, покажут таким же, каким он был до его столкновения с Григорием, более того, Шолохов нигде ни разу не упомянет о том, что произошло между Листницким и Григорием, какой след это оставило в душе одного и другого.

А в дальнейшем повествовании Шолохов как бы уточняет внутренний мир своего героя, показывает те ходы его умственной работы, которые никому более не интересны, никого более не волнуют.

Листницкий не раз в своих мыслях признается себе, что его всегда занимала «неразгаданность чужого, сокровенного» (1, 432). «Листницкому всегда казалось, что, общаясь с другими людьми, человек хранит под внешним обликом еще какой-то иной слой, который порою так и остается не уясненным. Он твердо верил, что если с любого человека соскоблить верхний покров, то вышелушится подлинная, нагая, не приукрашенная никакой ложью сердцевина. И поэтому ему всегда болезненно хотелось узнать, что кроется за грубой, суровой, бесстрашной, нахальной, благополучной, веселой внешностью разных людей.» (1, 438) Однако эта интеллектуальная осложненность, индивидуализация не меняет главного в Листницком - его душевного безличия, его духовной неразвитости, его неспособности понять и увидеть прекрасное, проникнуться великим чувством преклонения и уважения перед красотой. Это та межа, которая разделяет мир Григория, Аксиньи, простых казаков, деда Сашки, да и самого Шолохова, и мир Евгения Листницкого: не дано ему подняться над малым и увидеть глобальное, поэтому и выискивает он трусость под бесстрашием, мелочность под величием, грязь под святым. И более того, как нам кажется, мысль эта найдет свое подтверждение в том, как Листницкий проявляет себя в отношениях с Ольгой.

Как мы уже отмечали, Листницкий устал, устал от видимой безысходности войны, от некомпетентных действий военного руководства, от своей собственной беспомощности. Его тело и душа жаждут отдыха или хотя бы передышки. Семья Горчаковых подошла как нельзя кстати. Но при первой же встрече с женой Горчакова, о существовании которой он, конечно же, был заранее осведомлен, Листницкий начинает чувствовать себя несколько необычно, в какой-то степени дискомфортно. Наблюдая за тем, как Ольга радуется встрече с мужем, Листницкий улыбается «глупейшей, туго натянутой улыбкой», чувствует «себя по-

детски глубоко несчастным, кем-то несправедливо и тяжко обиженным» (2, 39). Он тут же заметил, что внимание, которое хозяйка дома уделяла ему, разительно отличалось от того, как она вела себя с мужем, как она на него смотрела: «Боль, легкая и досадливая, точила Листницкого, когда эти же глаза, устремляясь на черное лицо Горчакова, лучили совсем иной свет» (2, 40). Удивительно не то, что он все это заметил, странна и необычна эта его реакция.

«И вот потянулись дни, сладостные и тоскливые» (*там же*) – сладостные для мужа и жены Горчаковых, тоскливые для Листницкого. Это уже гораздо позже Листницкий «благоговейно перебирал их в памяти, а тогда он мучился по-мальчишески, безрассудно и глупо» (*там же*). Конечно же, он отлично понимал, что своим присутствием «стесняет друга, но перейти к знакомым почему-то не хотел» (*там же*). Таким образом Листницкий снова оказывается не на своем месте, как и в случае с Аксиньей, с той лишь разницей, что сейчас он понимает свою неуместность. В этом доме, в этой семье все чужое, все не его – чужая жена, чужой дом, чужое счастье, а он сам здесь ненужный наблюдатель. В напарники ему Шолохов дает хозяйского пса красавца пойнтера, который делил с Листницким «истомную скуку» (*там же*). Но если пес «молчаливо ревновал хозяина к жене» (*там же*), то Листницкий и здесь, не найдя в себе решимости и благородства, снова посягает на чужое – «эти дни одолевала его поэзия, чужая певучая боль» (2, 41). К тому же «Листницкому, два месяца не видавшему женщин, за исключением измызганных сестер, она казалась преувеличенно красивою» (2, 40). Это ощущение увеличится, когда Листницкий будет лежать после ранения и ампутации руки: «Две недели лежал, терзаемый отчаянием, болью, скукой. (...) Перевязки, наскучившие лица сестер и докторов, острый запах йода, карболки» (*там же*). Все это вместе захлестнуло Листницкого с головой и выплеснулось им на Ольгу. Он не задумывается над тем, что бессовестно вторгается в мир семьи, которая его на время приютила, он совсем не задумывается над тем, что собрался приволокнуться за женой своего товарища по взводу. Ее неожиданный отказ (а он думал, что ему все можно) заставляет его почти возненавидеть ее, выискивать недостатки и отрицательные черты «в характере и наружности Ольги» (2, 41).

Отказ Ольги сделал ее в глазах Листницкого еще более желанной, а ее «немеркнущий образ» приобрел ореол «недосягаемости и поклонения» (2, 42). Судьба и злой рок встали на сторону Листницкого – раненый Горчаков, умирая, «с мольбой и ненавистью» (*там же*) попросит Листницкого жениться на Ольге. Чувствуя приближение своего неминуемого конца, находясь в состоянии, в котором врать и преувеличивать бессмысленно, он словно подтверждает неслышимые для себя мысли Листницкого об Ольге, говорит о ней, что она «хорошая женщина», что она «тургеневская женщина...Теперь таких нет...» (*там же*).

Таким образом все сходится к одному – быть Листницкому с Ольгой, внешние обстоятельства всячески этому способствуют. Но разве так рождается подлинное,

горячее чувство? Но удивительно другое – сам Шолохов устами же Листницкого проводит бесстрастный анализ зародившегося вдруг чувства. Это и отмеченное нами «тяжелое плотское желание» (2, 44), и моральное истощение Листницкого, как и любого другого участника войны, желание отдохнуть, не видеть крови и смерти, спрятаться от всего этого, окунуться во что-нибудь легкое и прекрасное – «к сказке тянулось уставшее от боевых будней сердце» (*там же*). Это и влияние культурного «багажа», ведь Листницкий «наедине с собой рассуждал, как герой классического романа, терпеливо искал в себе какие-то возвышенные чувства, которых никогда и ни к кому не питал» (*там же*). С одной стороны, все эти душевные переживания вызваны Листницким для того, чтобы «прикрыть и скрасить ими наготу простого чувственного влечения» (*там же*). Однако Шолохов замечает, что «не только половое влечение, но и еще какая-то незримая нить привязывали его к этой, случайно ставшей поперек жизни, женщине» (*там же*). При этом отметим, что Листницкий «смутно разбирался в собственных переживаниях» (*там же*), для него они были незнакомы (с Аксиньей ничего подобного не было и быть не могло) – неожиданны и не вполне понятны – интерес их для Листницкого ограничивался лишь их необычностью. Но зато другое ощущение, переживание, чувство было очень хорошо известно Листницкому, было для него желанно и всепоглощающе – он осознавал «с предельной ясностью: что им, изуродованным и выбитым из строя, по-прежнему властно правит разнузданный и дикий инстинкт – «мне все можно» (*там же*). Можно воспользоваться беспомощностью Аксиньи, убитой горем по умершему ребенку, можно приволокнуться за женой сослуживца, можно воспользоваться растерянностью и опять же беспомощностью Ольги, потерявшей мужа и еще не успевшей даже оплакать свою утрату, можно использовать просьбу умирающего Горчакова позаботиться о его жене, как прямое руководство к немедленным действиям, как щитом прикрывающим его истинные желания.

Да, безусловно, смерть обостряет жизнь, война обостряет все чувства прекрасного и особенно чувство любви как одного из них – все жаждут как можно больше надышаться, «налюбиться», и процесс этот, скорее всего, естественен, и то, что этому так же подвержен Листницкий, не умаляет его, но почему же в своем страстном желании забыться, отдохнуть от войны, в своем стремлении обрести «тихую пристань», при этом отлично сознавая, что он «уже не солдат, а калека, физический и духовный» (*там же*), он не замечает состояния Ольги, не видит и не хочет видеть, как она, уступая «его домоганиям», «осунулась, потускнела», как «мучительно тяготилась и в душе была оскорблена» (*там же*)? Почему вместо того, чтобы выполнить предсмертную просьбу сослуживца, спасти его жену, он, спасаясь сам, не замечает, что губит ее?

Шолохов замечает, что «люди, нюхавшие запах пороха, ослепленные и оглушенные происходившим, жили стремительно и жадно, одним нынешним днем» (*там же*). И тут же вопрошает: «И не потому ли Евгений Николаевич и

торопился связать узлом свою и Ольгину жизнь, быть может, смутно сознавая неизбежную гибель дела, за которое ходил на смерть» (2, 44). Иными словами, Листницкий прячется от борьбы за Ольгу, за свои чувства к ней.

Рассмотрим последние сцены романа, связанные с Листницким.

Приезд Листницкого с Ольгой в Ягодное. Еще до этого автор акцентирует наше внимание на том, что Ольга заурядна, и не раз в ее описании Шолохов употребит блеклые, неяркие краски. Это и «гаснущая, ущербная красота, которой неярко светится женщина, прожившая тридцатую осень», это и блеск «насмешливых холодноватых глаз», это и «лицо ее с мягкими, привлекательными в своей неправильности чертами», которое на самом деле было «самое заурядное», даже «в улыбке, оголявшей густые мелкие, как срезанные, зубы, сквозило что-то заученное», а «голос ее был глуховат и беден оттенками» (2, 40). А с появлением в ее жизни Листницкого, вернее, с его бесцеремонного вторжения, даже то немногое, что в ней было, погасло. «После ночи, сблизившей их, Ольга как-то осунулась, потускнела» (2, 44). И вот как контраст этому вымученному чувству со стороны Листницкого к Ольге, как противовес Ольгиной уступке Листницкому этой, казалось бы, прикрытой душевными переживаниями, сугубо телесной связи, выступает Аксинья.

«До отъезда Евгений думал об Аксинье нехотя, урывками. Он заслонялся от мыслей о ней, как рукой от *солнца*. Но помимо его воли, все настойчивее – *полосками света* (курсив мой – С. Ю.) – стали просачиваться, тревожить его воспоминания об этой связи.» (2, 45) И в описании приезда Листницкого с женой самым ярким моментом стало появление Аксиньи.

Заключительный аккорд, последний штрих в портрете Листницкого, последнее слово, по усмотрению автора, отданы Аксинье.

«Свидание» в саду. После долгих размышлений и сомнений поначалу Листницкий думал не прерывать отношений с Аксиньей, был даже уверен, что она согласиться! «Но чувство порядочности осилило, решил по приезде поговорить и, если представиться возможность, расстаться.» (*Там же*) После разговора с отцом, в конце которого «старик веско сказал» – «сейчас же» поговорить с Аксиньей, возможно предложить ей денег, «отступное», попросить уехать. Листницкий вызывает Аксинью для разговора, и хотя он уже знает, что ей скажет, он обратит внимание «на ее шею в крупных кольцах пушистых волос», не скроется от его взгляда, как «она живо повернулась, стараясь придать своему просиявшему лицу выражение услужливости и равнодушия», заметит он и «как дрожали ее пальцы, опуская рукава», и как, «не в силах побороть радости», пошла она к нему «со счастливой просящей улыбкой» (2, 47).

После того, как «она, улыбаясь в темноте, схватила его руку, но он рывком освободил ее, Аксинья поняла все». Речь его быстра и путана, то он пеняет ей: «Ты должна понять меня...», то он раскрывает перед Аксиньей свое собственное смятение: «Теперь я не могу с тобой, как раньше... Я не могу жить с тобой...», то пытается спрятаться за высокопарными

бездушными фразами: «Ведь теперь я женат и как честный человек не могу делать подлость... Долг совести не позволяет...» и, говоря все это, он «мучительно» стыдился своих «выспренных слов» (*там же*). Наблюдая за Листницким в этой ситуации, иногда кажется, что и он способен на простые человеческие чувства без рефлекторного самолюбования, на растерянность, жалость, нерешительность: «Ты должна уехать отсюда. Я думаю, ты согласишься... Мне будет тяжело видеть тебя» (*там же*). А что Аксинья? Шолохов скуп в описании ее переживаний: «Аксинья молчала» (*там же*). Со спокойной расчетливостью поинтересовалась, может ли «дослужить», а «потом как-то боком, несмело, как побитая, подвинулась к Евгению, сказав, «– Ну что же, уйду... Напоследок аль не пожалеешь? Меня нужда такой бессовестной сделала... Измучилась я одна... Ты не суди, Женя». Вот так просто и естественно, без всякой борьбы со своими человеческими желаниями, без всякого открещивания от животных инстинктов. Для Листницкого это чуждо, непонятно и дико, что он даже «тщетно пытался разобраться, серьезно она говорит или шутит».

Но гений Шолохова дает еще одну параллель, еще один бытийный план. Вот эта картина: «На западе еще багровела сожженная закатом делянка неба, на гумне при фонарях молотили «за погоду», – там повышенно и страстно бился пульс машины, гомонили рабочие; зубарь, неустанно выкармливавший прожорливую молотилку, кричал сипло и счастливо: «Давай! Давай! Давай!» В саду зрела тишина. Пахло крапивой, пшеницей, росой» (*там же*).

Вот он финал, после которого в Листницком становиться все абсолютно ясно, после которого исчезает необходимость в этом персонаже и после которого автор вполне естественно уведет его со страниц романа, лишь однажды вскользь упомянув о его бесславной кончине. А вот Аксинья, ничто ее «не озеленит», не испачкает, даже и после этого эпизода осталась она чистой и незапятнанной: «В людской, в желтом просвете окна, виднелась статная фигура Аксиньи, – закинув руки, Аксинья поправляла волосы, смотрела на огонь, улыбалась...» (2, 49). Что же это за сила и красота такая в Аксинье, что не тускнеет, не меркнет даже после такого, с точки зрения обывателя, падения? Или же этот акт, признаваемый культурой и некими законами за пределами морали, на самом деле вовсе таковым не является, и беда Листницкого и таких, как он, в том, что ни принадлежность к высшему сословию, ни культура и образованность, которыми так кичился Листницкий, не в силах подменить собой огромную силу и движущее начало естества?

В Листницком ничего этого не было, не смог он идти в шаг с простыми казаками, не мог петь с ними их песни, которые были отчасти и его, не смог он понять естественной и самобытной красоты Аксиньи, не смог он принять и ее дикой свободы.